

С

удьба подарила большое счастье: на филологическом факультете Воронежского госуниверситета Б.Т. Удовод вел спецсеминар по творчеству М.Ю. Лермонтова. За своим любимым учителем мы вошли в страну Поэта. Страна эта была удивительна: в ней был прорыв к миру иному — свободному и прекрасному космосу. Читая стихотворения Лермонтова, ощущала себя частичей земного, хаотически тяжелого, почти уродливого мира с его безысходностью, греховностью, вынужденным лицемерием... Но, идя за поэтом, ясно видела светлый путь, тот самый прорыв в мир иной (душа всегда подсознательно ощущала этот мир) — просветленный, свободный, прекрасный космос.

Лермонтов, его лирика, его творчество определили в самом главном мой жизненный путь. Это Лермонтов мне, вступающей в жизнь, своими стихотворениями (циклы, посвященные Н.Ф. Ивановой, Е.А. Сушковой, М.А. Щербатовой, В.А. Лопухиной...) объяснил, как никто другой, что быть женщиной — высшая ответственность.

Пушкин Татьяной Лариной об этом сказал. Татьяна — идеал Пушкина, о котором мечтал поэт, мечтает каждый мужчина. Идеал... «У кого из народов — такая любовная героиня: смелая — и достойная, влюбленная — и непрек-

лонная, ясновидящая — и любящая» (М.Щетваева). Идеал... Потому что выбирать для себя *не пустоту счастья, а полноту страдания*.

Лермонтов всем своим творчеством осознанно (во многих моментах, может быть, подсознательно), детально выявил трагедию человека (мужчины). И трагедия эта в основе своей исходит от женского начала, конкретнее — от Евы. Вспомним: «...Не Адам прельщен но жена, прельстившись, впала в преступление...» (1-е Послание к Тимофею св. апостола Павла, гл. 2, 14). Но Татьяна — не Ева, потому что никогда не сможет строить свое счастье на несчастье другого человека. «Но я другому отдана, /Я буду век ему верна», — жить так далеко не просто. Но в том-то и подвиг женщины земной (жизнь как искупление человеческого греха страданием). На земле такую женщину (Татьяна) и можно назвать «*вечной женственностью*» — *Софией*.

Татьяна, как сказал Белинский, — «это редкий прекрасный цветок, случайно выросший в расселине дикой скалы... Весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви... Ее натура — это любовь и *самоотвержение*».

Скажем спасибо Белинскому за его честность, искренность в оценке характера Татьяны. Критик, не верующий в Бога, рассматривая характер Татьяны, приходит в полное противоречие со своими религиозными взглядами: он утверждает, что Татьяна идеальна. И называет главные причины этой идеальности, а именно: на страсти Татьяна смотрит как на гибель жизни, Татьяна покоряется действительности, как она есть, т.е. Татьяна живет по заповедям Божьим.

Вот и утверждаю: к женщине тянутся все нити бытия. Не сделать несчастным человека — задача: бы не просто женщиной (Евой), а «вечной женственностью», Софией (говорю о земной жизни).

Лермонтов в самом начале моей жизни объяснил это. Говорят, что ни одна книга не научила человека жизни. Это неправда. Хотя многое, безусловно, зависит от читателя. Вспоминаю одну из своих учениц. Она боготворила Лермонтова. До сих пор (прошло уже 48 лет) храню ее сочинение. Более тридцати лет назад на одной из пригородных станций (задерживалась электричка, было очень много народа) ко мне подошла женщина. Знакомая и незнакомая... Узнала — это была Тамара. Обстоятельства подарили нам около часа времени. На лице Тамары нельзя было не прочитать страдания. Рука была перебинтована. «Да, так получилось, спасли... Вскрыла вену...», — сказала она. «Спасут ли в очередной раз?» — этот вопрос мучил меня. Слушала ее тихий, срывающийся голос... Многие в жизни не устраивало Тамару: и муж — «разве это муж?», и дети — «зачем они нужны? У меня совсем иные задачи», и подруги — «их теперь не стало, все они дальше круга семейных проблем не смеют выйти... Пеленки, дети, ревность, обиды... Господи! Как все примитивно!»

Помню Тамару талантливой и очень творческой личностью. Ее глаза наполнились слезами. А я беспомощно молчала: в чем-то она права, как утешить? Имею ли право? Так ли живу сама?

«Помните, как вы читали Лермонтова?» — вдруг спросила она. И я услышала:

С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я...

Я почувствовала — она неизменно любит Лермонтова до сих пор. Она жизнь свою ориентирует на поэзию Лермонтова и понимает поэта по-своему (впрочем, как каждый из нас). И сейчас, когда прошли годы, Тамара не знала полутонов, ни на какие компромиссы с жизнью идти не смогла. Какая Ева? Какая София? Она ощущала жизнь так, как когда-то в своем сочинении о Лермонтове: «...У поэта все грандиозно, сильно: любовь — безрассудна и страстна, ненависть — холодна

и жестока, презрение доводит до отчаяния. Предчувствие грядущих бед сопровождается трепетным суеверным, почти языческим ужасом:

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет...

И еще она писала: «...Иногда я думаю: а ведь он бы убил себя, если бы судьба не сделала этого раньше. Очень высоко стоял он над современной ему действительностью, но в то же время он жил в ней, а такое двойственное состояние губительно...»

Почему? Тамара идет за своим Лермонтовым. И когда она с Поэтом, она живет вне себя, вне своей тяжести, то есть она живет в жизни преображенной. Возврат в «сей мир» оборачивается для нее трагедией. Творить земную жизнь по высшим законам мира Поэта, считает Тамара, невозможно. Выход страшен — вскрывает вены.

Почему такая трагедия? Это я сейчас, отвечая на этот вопрос, понимаю: потому что жила без храма, верила только в себя, а не в Бога. И я в то время, когда была ее учителем, в храм не ходила, Писание не читала... Я и сама, безмерно любя Лермонтова, интуитивно чувствовала его трагедию, трагедию эту лермонтоведы объясняли по-разному... Но ни одно объяснение не давало внятный ответ. Это сейчас, когда по воле Божьей я пришла в храм и пытаюсь осмыслить Писание, читая труды святоотеческой литературы, понимаю, что «Писание есть путь, а кто сходит с пути — блуждает» (св. Иоанн Златоуст). В этом заключалась трагедия Лермонтова, и эта трагедия не могла не влиять на трагедию жизни Тамары. Читатель спросит: «А как же я?» Отвечу, как понимаю: вероятно, опять же милостью Божией, любя Лермонтова, переносила тот свет, которого предостаточно в творчестве Поэта, на свою жизнь. А темное и трагическое, которое мучительно разъедало душу, оставляла в стороне, потому что не понимала, отчего это... А если не понимаешь — лучше уйти в сторону. Это и спасало. И уходила в сторону... Тогда не могла сказать Тамаре: «Если так мучают страшные вопросы, которые ставит перед нами жизнь, если мы побеждаем унынием, не оттого ли так тяжело, так безысходно, что есть некая преграда между Богом и нами. Ведь беда не в том, что так много у нас горя, трагедий, а в том, что мы не можем, не готовы принять Крест Христов как нашу победу».

Тамара забывает, что, задыхаясь в «сей жизни», Лермонтов имел силы жить. Что-то мучительное, загадочное и родное — в Лермонтове. Истоки своей жизненной трагедии поэт видел в трагедии людей земли — трагедии разлучения человека с Богом. И путь, которым идет человек к воссоединению с любящим Богом, тернист. Вера, религия есть спасение человека. Думаю, Лермонтов — человек, в высшей степени верующий в Господа. Его стихи — подтверждение этому:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед...

Разве можно без веры в Бога так светло, просто и естественно сказать:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщинки на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Может ли быть неверующим этот человек? Или:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит.

Разве неверующий смог бы так молиться:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием...

Но читатель, безусловно, возразит мне: как же понять молитву, которая идет к Господу без просьбы о спасении, без благодарности, без покаяния: «...Не о *спасении*, не перед битвою, / Не с *благодарностью* иль с *покаянием*...»

Богоборческие мотивы звучат в творчестве Лермонтова. Это же поэт, обращающийся к Богу, говорит: «Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне / Недолго я еще благодарил».

Трагическая ирония слышится здесь. «С небом гордая вражда», — так называется Лермонтов сам свое состояние. Безусловно, решить вопрос, связанный с религиозными чувствами поэта, нельзя однозначно.

Земные взгляды Пушкина и Блока
Устремлены с надеждой в небеса,
А Лермонтова темные глаза
С небес на землю смотрят одиноко.

Думается, этим стихотворением поэт И.Шкляревский пытается ответить на данный вопрос.

Бог как Высшее начало, без сомнения, принимается Лермонтовым. Мир земной, человек так дороги поэту, так любимы им, несмотря на то, что

...мир земной мне тесен.
К тебе проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Герой поэта постоянно терзается, вопрос, обращенный к Богу, проходит через все его творчество. Зачем так страшно устроен мир? Почему так, а не иначе? Мучительные сомнения в возможности личного бессмертия разъедают душу:

Что толку жить!..
И начал громко я роптать,
Мое рождение проклинать,
И говорил: всесильный Бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?..
Душой, бессмертной, может быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?

(«Азраил»)

«...Я меж людей беспечный странник для мира и небес чужой». Чувство раздвоенности (высшая вера и сомнение) было основной тяжелой страстью, которая вела поэта по дороге его жизни. (Не будем говорить «судьбы»: Бог не только выше всякого бытия, но он выше всякого понимания.) Будучи верующим человеком, Лермонтов восходил к высшему осмыслению (по-иному не мог). Задыхаясь от боли, сомнений, поэт требовал отчета от Всевышнего, предъявляя претензии как к равному. Такое двойственное состояние невыносимо и физически, и духовно. «Если религия не на первом месте, то она на последнем», — вероятно, эта мысль Л.Толстого будет состоятельной в концепции мирозерцания Максима Максимыча, но не Печорина. Поэт понимает Максима Максимовича, осмелимся сказать, любит. Но любовь под знаком минус (сколько боли он приносит этому человеку). Трагизм Печорина заключается в том, что он — неверующий человек, атеист. Особенно глава «Фаталист» позволяет сделать этот вывод. Печорин сам это понимает и страдает от этого.

Лермонтов, в отличие от Печорина, был не только простым человеком, он был еще великим Поэтом, и религия никогда не была для него «на последнем месте». Конечно, претензии поэта к Богу несостоятельны: эти претензии должны быть обращены к человеку, ибо Бог даровал человеку *свободу выбора*. Человек свободен в жизни, и в этом смысле он сам определяет свою судьбу. Что касается фатума, то вмешательство Всевышнего, Промысел Божий — тогда и является, когда по-иному невозможно. Господь спасает человека, забирая его в лучшем духовном состоянии. В этом смысле дуэль поэта и его смерть в 26 лет не могут быть осмыслены как случайность.

Очень трудно согласиться с Г.Климовым, который в своей книге «Протоколы красных мудрецов», говоря о Лермонтове, утверждает, что поэта погубила не среда, а дурная наследственность. Под дурной наследственностью собраны разные минусы: 1) ранняя смерть матери (отчего же минус?); 2) отец умирает молодым (?); 3) смерть деда (обстоятельства смерти деда Лермонтова под знаком минус — самоубийство. Но поэт жил и боролся и никогда не допускал мысли о вскрытии вен, как это было у моей ученицы Тамары); 4) вывод о подсознательном влечении к кровосмешению звучит субъективно и более чем странно; 5) «физически был довольно некрасив» (проблематичное утверждение: так много осталось воспоминаний людей, знавших Лермонтова, и все они противоположны до крайности); 6) «ни одна женщина его не любила» (и этот «минус» не воспринимается как минус, потому что обстоятельства были намного сложнее, чем категорическое утверждение Климова)...

Итак, сложение всех этих минусов, по Климову, равно дурной наследственности. Понять это просто невозможно. Если говорить о наследственности поэта, то надо будет сказать, что наследственность эта высшего духовного порядка. Во-первых, Лермонтов по своей природе был человеком сердечным, любящим, добрым. Эти высшие человеческие качества поэт унаследовал от матери, от деда Михаила Васильевича и от отца. Тарханские старожилы век спустя вспоминали о Лермонтове как о «добром, жалостливом до крестьян». «Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца... он мог быть кроток и нежен, как ребенок», — вспоминал о Лермонтове его современник, переводчик его произведений на немецкий Ф.Боденштедт.

С кем только ни сравнивали критики Лермонтова. В его произведениях, в его личности находим и демонизм, и байронизм, и отчужденное одиночество, и природную меланхолию, и скорбь мировую, и всероссийскую тоску... А главное-то забыли: поэт был *добрый и любящий*.

Отца отстранили от воспитания сына. Но благородный и мужественный пример Юрия Петровича, мысли отца, проникнутые добром и мудростью, не могли не оказывать своего высокого влияния на юного поэта. Одну из таких мыслей Лермонтов принял для себя как основную жизненную заповедь: «Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, — *не ожесточай его даже и самую несправедливость и неблагодарность людей, ибо с ожесточением ты сам впадешь в презираемые тобой пороки*».

Зло порождает зло. Об этом поэт будет думать, об этом будет писать весь остаток своей жизни. Этому посвящена вся его лирика, все его творчество. Зло необратимо.

Любящий и добрый, поэт был натурой философски мыслящей и исключительно волевой. Где выход из лабиринта земного зла? Как обрести возможность движения вперед (вечное восхождение человека к норме жизни)? Лермонтов исповедально объясняет всем своим творчеством: выход один — жертва и борьба. Жертва во имя любви и борьба с безлюбовностью. Трагедия Лермонтова — *это трагедия любви*. Личная трагедия поэта лежит далеко за пределами его личности, тра-

гедия Поэта — это трагедия Человека, человечества, разлученного с Богом. Бог есть любовь... Что такое любить — мы еще не знаем...

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы, для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне, и я любил
Всем напряжением духовных сил...

Святой апостол Павел в «1-м послании к коринфянам» (13, 3–7), думается, точнее всего определил значение слова любовь: «Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание, так что могу горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всегда надеется, все переносит».

Лермонтов верит и дает силы верить нам, что только ею, только любовью спасется мир. Христос для того и был оставлен на земле, чтобы мы воссоединились с любящим Богом. Странно, но наблюдения Д.Мережковского о том, что имя Христа в сочинениях Лермонтова не упоминается или почти не упоминается, состоятельно. Да, одно из редких исключений — ироническое: «Я люблю врагов, но не по-христиански» в «Герое нашего времени». «Настроение смирения и всепрощения, всеобщая «неизбирательная» любовь остались Лермонтову, по-видимому, глубоко чужды», — читаем в Лермонтовской энциклопедии. С этой мыслью нельзя не согласиться. В точности так же, как предлагаемый ответ Мережковскому: «Где есть демон, там нет Бога»... «Христос не умещался в душе Лермонтова даже в качестве оппонента — его место было занято «другим». Эта мысль как бы переключается с выводом Климова: «... в душе Лермонтова сидел бес, которого современные психологи и называют комплексом саморазрушения». И далее: «Я обожаю Лермонтова. Если бы я был царем, я приставил бы к нему двух архангелов, чтобы охранять его — от самого себя». И последний вывод Климова — Лермонтова погубила не среда, а дурная наследственность. Пушкин был убит («снаружи», среда), Лермонтов — «изнутри». Лермонтова погубила болезнь: дьявол вырождения.

Трудно согласиться и с Климовым, трудно согласиться и с мыслью, что место Христа в душе Лермонтова было вытеснено «другим». Имя Христа у Лермонтова равно имени Всесильного, имени Бога, имени Предвечного, имени Всевышнего, имени Творца...

Единственный Поэт — Поэт Лермонтов разговаривает с Богом как с самым родным, близким... Разговор этот искренний, естественный, простой... высокий. Такой непосредственной близости в обращении к Богу, интимности ни у какого другого поэта в русской литературе мы не увидим.

Характер религиозного чувства Лермонтова определяют мотивы исповедальные, любовные, нежные, чистые («Он знает, и ему лишь можно знать, как нежно, пламенно любил я...», «Как я любил, за что страдал, тому судья лишь Бог да совесть»). Можно ли после всего этого говорить о том, что имя Христа у Лермонтова было вытеснено «другим»?

Доброта и любовь — природное свойство души поэта. Но форма их существования — борьба. Борясь за личное, Лермонтов борется за каждого из нас: «За дело общее, быть может, я паду, / Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу...»

Поэт боролся за любовь. Он искал ее — истинную, светлую, духовную... В час-

тотном словаре Лермонтова слово «любить» после таких нейтральных слов, как союз «и», местоимения «он», «она», союз «как», стоит на первом месте. Лермонтов употребил слово «любить» *903 раза*, а слово «любовь» — *605 раз*.

Жизнь диктовала свои законы. Жизнь оставалась земной. В протянутую руку бедняка, чуть живого, «иссохшего от жады, жажды и страдания» клали вместо подаяния камень.

Молящий о любви человек был обманут ею. Она — Ева — так далека от Софии — вечной девственности (по учению Я.Беме, отлетающей на небо). Но Лермонтов знал, он сознательно и подсознательно чувствовал великую красоту человека, он знал, что человек разлучен с Богом, мучается и страдает от этого... должен воссоединиться с Богом. Любовь — это бесконечное прекрасное, безграничное. Не физиологическое — а высшее Духовное, Божественное. «...Не мужчина и не женщина есть образ и подобие Божье, а лишь андрогин, дева-юноша, целостный бисексуальный человек. Дифференциация мужского и женского есть следствие космического падения Адама» (Н. Бердяев).

«Дифференцированный, распавшийся пол становится источником раздора в мире и мучительно безысходной жажды соединения». Но и в мужчине, и в женщине сохраняется образ и подобие Божие, «...человек остался в корне существом бисексуальным, андрогиническим». Будь по-иному — человек погиб бы безвозвратно. «Вся тайна жизни человека во все времена есть мучительное, напряженное искание утерянного андрогинизма, воссоединение мужского и женского в целостное существо».

Ближе всего к Софии на земле пушкинская Татьяна. Это не чистая мечта, это и действительность, но не часто встречающаяся в жизни. Свою Татьяну, свою земную Софию, как и любой мужчина, Лермонтов мучительно искал:

И создал я тогда в своем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю...

В творчестве Лермонтов разрывал цепи земные, побеждая тяжесть мира. Он верил и предчувствовал, что восхождение к Богу возможно. Почему Печорин так боится семейных уз? «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам». Может, это подсознательное чувство несовершенства семейного уклада жизни. Семья крепка связями кровными, родовыми, физическими. Но высшие связи иные — духовные, истинно любовные. «И величайшее в любви то, что сохраняет ее таинственную святость, это отречение от всякой жизненной перспективы, жертва жизнью» (Н.Бердяев). Такая любовь не может вписаться в категорию семьи. Любовь есть путь восхождения падшего человека к богоподобию. И на этом пути главное не физическое, а духовное состояние. Оттого, видимо, Печорин и готов пожертвовать своей жизнью, лишь бы обрести этот высший свет человеческой любви. Той любви, в которой любящий встречается с любимым в Боге и в Боге видит любимое лицо. И никто не поможет Печорину в его нравственных терзаниях. Помогла бы вера. Он и сам тоскует по вере, но он — человек неверующий.

Спасение Лермонтова было все-таки в его религиозном чувстве. Несмотря ни на что, Лермонтов стоял ближе всех нас к Богу. И «тяжба поэта с Богом» (Вл. Соловьев), может быть, только подтверждает наше предположение.

Помните, как отец Базарова, потеряв сына, будучи человеком очень религиозным, в отчаянии безумно восклицал: «Я говорил, что я возропщу, — хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясал в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то: — и возропщу, возропщу!»

В контексте именно такого психологического понимания звучат лермонтовские строки, обращенные к Богу: «...Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне / Недолго я еще благодарил...» Здесь и возропание поэта, и человеческая боль, и укоры Богу, обида, трагедия...

Может быть, судьба (так часто это слово звучало у Лермонтова) вмешалась в жизнь поэта не случайно. Господь увел от искушения «другим»? Кого из нас не искушает этот «другой»? Но мы — это просто мы. Поэт Лермонтов — великий Поэт, гениальный. *На пути гениальности человек бывает избран и предназначен.* Гениальность Поэта — это святость дерзновения, непослушания. «В тесных недрах жизни навеки остается бунтующая и богообразующая кровь и бьет свободный творческий источник» (Н. Бердяев).

Ему всего было 26 лет. Он боролся за любовь и жертвовал во имя любви. Поэт ушел из жизни земной, когда его страдания стали нашими, его бунт обрел высший смысл: вечная женственность, его земная София, состоятельна, она спасет мир, человека, она приблизит человека (мужчину — Логос) — к совершенству, к Божеству...

Надо только прислушаться, не вскрывать вены. Надо слышать Поэта, стремиться к его мечте, и эту мечту приближать к жизни. В стихотворении «Сон», которое Лермонтов написал перед смертью, поэт обо всем сказал:

Но в разговор веселый не вступаю,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена...

Тройное преломление сна. Но ведь вся жизнь наша — сон, «насмешка неба над землей». Неважно, что сон... Она — та, о которой мечтал он всю жизнь. Она была, будет. Она — та, без которой просто нет его. Она — Любовь, его «небеса», «товарищ его грозных бурь». Она — единственная знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и она (любящая) более права, чем весь мир. Это о ней Поэт говорил: «Но с тобой, мой друг путеводитель, что хвала иль гордый смех людей...» Это она — выше всякого физического состояния. И совсем неважно, что она видит его во сне.

Она подлинно его любит, и любовь эта высшая, духовная, Любовь Софии, утраченной девы. «Через любовь отчужденная женская природа воссоединяется с природой мужской, восстанавливается целостный образ человека. И в любви восстановление это всегда связано с лицом человека, с единственностью и неповторимостью лица» (Н. Бердяев). В этом и заключается таинственная связь Любви в андрогинизмом, который представляет собой окончательное соединение мужского и женского в высшем богоподобном бытии, восстановление образа и подобия Божьего в человеке.

Неоконченная повесть «Штосс» — «последнее слово» Лермонтова-прозаика. Ее главный герой Лугин, больной, измученный, борется за свою жизнь: без женщины-ангела, женщины-мечты (она и есть его София — воплощение небесного на земле) он физически и духовно не может существовать. «Надо было на что-нибудь решиться. Он решился...» — на самом интересном месте обрывается повесть.

Мы можем предположить единственное: Лугин скорее пойдет на гибель, чем подчинится жестоким законам земной жизни. В смертельной схватке с судьбой находится Лугин и Она. Страдания Лугина вылились из души Лермонтова. Это жизнь Поэта, его мука, его вера, его борьба, его мечта...

Лугин скорее пожертвует жизнью, чем согласится на разлуку. Она, его возлюбленная с этой «вечной женственностью» в себе, с голосом неизъяснимо глу-

боким, с редкой задумчивостью в лице, — так похожа на ту, которую незадолго до смерти (меньше месяца) видит во сне Лермонтов (стихотворение «Сон»): «То было чудное и божественное видение... ее уста умоляли, в ее глазах была тоска невыразимая... Она отделилась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего столь полного пламенной жизни» («Штосс»).

Все мы воспринимаем лишь поверхность лица Поэта, мы не знаем его последней тайны. Эту тайну знает только *ОНА*, та, которая, являясь в его сон живой и прекрасной, в этом его сне видит свой сон, и снится ей *ОН*:

...знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Претензии, предъявленные Лермонтовым Богу (при всей вере в Бога), и есть несогласие поэта с Писанием, т.е. схождение с пути. Как часто эта трагедия происходит с нами. Но Лермонтов — путник, избранный Богом. И Господь ждал его свободного волеизъявления идти по пути Писания и не сходить с него. Этого Лермонтов не мог воплотить в жизнь. Об этом и сам поэт исповедально говорит и Господу, и нам:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильной
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.
Не угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови холодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на *тесный путь спасенья*
К Тебе я снова обращусь.

1829 г.

Оптинский старец Макарий напоминает нам: чтобы религия «была истинным светом для человека и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: «*Истина освободит вас*». В Священном Писании сказано: «*Слово Твое истина есть*» (Иоанн, 17, 17).

...Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истиной своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других не чистый свет, но сме-

шанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее...»

Мы сходим с пути Писания, мы блуждаем, соблазняемся многими пороками — у пути к падению выбор весьма широкий. Дай Бог нам отделить свет от тьмы... И идти за светом, и учиться понять наследие поэта: так многое в жизни зависит от женщины, от культа «вечной женственности», который был всегда спасением. Услышать хотя бы это. Воспитать и сохранить в себе эту «вечную женственность». Мы не говорим более ни о каких далее идущих обобщениях. Они бесконечны, тайна в человеке может быть приоткрыта только на пути, который лежит через высшую, небесную Любовь. Ту Любовь, о которой пел Лермонтов.

